

УДК 1(091)(430)

ББК 11.25

М27

Дизайн серии *Ивана Ковригина*

Дизайн обложки *Дмитрия Агапонова*

В оформлении переплета использовано фото из архива Shutterstock

Перевод с немецкого *И.И. Степанова-Скворцова*

Составление, предисловие, комментарии *А.В. Цветкова*

Маркс, Карл Генрих

М27 Капитал: критика политической экономии / Карл Генрих Маркс; пер. с немецкого И.И. Степанова-Скворцова; сост., предисл. и коммент. Алексей Цветков. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 352 с. – (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-121791-4

«Капитал» Карла Маркса уже более столетия является одним из самых обсуждаемых и не теряющих актуальности трудов об экономических процессах и принципах функционирования рынка. В нем даны ответы на вопросы о том, что такое теория стоимости, как ресурсы превращаются в товары, каков механизм присвоения капиталистом труда рабочего, как преодолеть экономический кризис при неравном доступе к средствам производства. Найдет читатель здесь и ответ на самый главный вопрос: если производство и обмен являются основными чертами общества, что стоит на пути его дальнейшего развития и как будут меняться правила обмена и способы управления в условиях принципиально нового производства?

Настоящая хрестоматия включила все основные положения экономической теории ученого. Книга снабжена комментариями и объяснениями известного исследователя марксизма Алексея Цветкова.

УДК 1(091)(430)
ББК 11.25

ISBN 978-5-17-121791-4

© А. Цветков, составление,
предисловие, комментарии, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Власть «Капитала»

1

О Марксе продолжают снимать фильмы, делать аниме и комиксы, писать книги и бесконечно спорить на философских семинарах и в телевизионных шоу.

Без «Капитала» уже невозможно представить себе нашу цивилизацию, так же как ее невозможно представить без Библии или без трактатов Аристотеля.

Для тех, кому эта книга кажется слишком толстой и сложной, давно есть «манга-версия» или отличный комикс британского политического художника Фила Эванса. А для тех, кому нужен вариант средней сложности, есть конспективный пересказ Карла Каутского или работа Юлиана Борхардта, который еще сто лет назад «сшил» все самые понятные места из «Капитала», объединив их по темам.

Что такое марксистская оптика в самом общем смысле? Это гипотеза о том, что наша общая история движется к бесклассовому горизонту, что причиной этого движения является развитие наших обменно-производственных отношений, что двигателем последних, с одной (политической) стороны, выступает классовая конкуренция, а с другой — рост наших технических возможностей. В более узком смысле вся эта модель держится на трудовой теории стоимости, которая дана в «Капитале». Из этой теории следует весь оригинальный глоссарий главной книги Маркса. Его оппоненты часто говорят, что данная теория не доказуема и эмпирически не проверяема. На что сторонники Маркса обычно отвечают: да, эта теория действительно не доказуема так, как доказываются теории в физике или в биологии, но точно так же не доказуемы и не проверяемы и все остальные теории стоимости (маржиналистские теории предельной полезности). Они точно так же тавтологично кусают себя за хвост.

В более отвлеченном и философском смысле марксизм можно толковать как возможность говорить об обществе без феноменологии, как об объекте, как о наборе соподчиненных структур, и наше понимание (описание) уже включено и вовлечено в них. Тогда «Капитал» — это способ понять собственно индустриальный способ производства, а что-то понять, согласно диалектике, уже значит

отрицать это до некоторой степени, точнее, выйти из заданного контура, схватить маршрут развития явления и его генеральное противоречие. *Понять* капитализм означает *стать его критиком*. Понять способ производства означает увидеть другой способ производства, идущий на смену нынешнему.

2

Наш автор родился в еврейской семье либерального адвоката, принявшего лютеранство для того, чтобы сохранить свою практику. Поэтому отношение к религии в его доме всегда было очень отвлеченным. Изучая право в Берлинском университете, Карл собирался стать поэтом и романистом и бойко сочинял богореческие стихи в духе мрачного энтузиазма немецких романтиков. Увлекался философией Гегеля, был азартным игроком в карты и не раз попадал в полицию за пьяные кутежи. Не избегал дуэлей и рано научился презирать и высмеивать обряды добропорядочного общества.

После защиты блестящей диссертации по античной философии (Демокрит и Эпикур) он становится влиятельным публицистом, а потом и редактором в «Рейнской газете». В Рейнской области сосредоточилась тогда наиболее сильная и независимая прусская буржуазия, мечтавшая об избавлении от прежних феодальных порядков под флагом народной демократии. Этому классу нужен был голос, зовущий к переменам. Газету закрыли по личной просьбе русского царя Николая Первого, усмотревшего в статьях Маркса русофобию. Сделавшись нежелательной персоной в своей стране, он переезжает в Париж, где близко сходится с анархистами и социалистами (Прудон, Бакунин, Луи Блан). Знакомится с Энгельсом, сыном текстильного фабриканта и тоже социалистом. Дружит с известным поэтом Генрихом Гейне.

Женится на баронессе Женни фон Вестфален, которую знал с самого детства.

Во Франции семья Маркса пробует объединиться с еще двумя семьями, чтобы вместе издавать журнал, вести хозяйство и воспитывать детей, но этот «фаланстер» не просуществует и месяца из-за разницы темпераментов и интеллектов.

Опасного автора высылают из Парижа за вольнодумные статьи, и он перебирается в Брюссель, где Маркса принимают с условием, что тот не будет публиковать ничего о текущей политике. Маркс пишет там «Коммунистический манифест», который выходит в 1848 году, за несколько недель до начала об-

щевропейской революции, после чего его высылают и из Бельгии. Он снова оказывается во Франции, но вскоре отправляется в Кёльн, где вспыхнуло демократическое восстание. Там он решает издавать свою «Новую Рейнскую газету». В 1848 году Маркс тратит все свои личные сбережения (первую полученную часть наследства) на покупку оружия для немецких активистов. В 1849-м, сразу после подавления революции, его судят в Кёльне за подстрекательство и государственную измену – призыв не платить налоги антинародному правительству, – но он отказывается от адвоката, сам защищает себя перед присяжными и добивается оправдания. Так или иначе, журналистская деятельность Маркса приводит к тому, что его высылают вновь. Последний номер запрещенной «Новой Рейнской Газеты» отпечатают красным шрифтом, и вскоре он станет раритетом и мечтой коллекционеров. Маркс демонстративно отказывается от прусского гражданства, планирует совместную с Энгельсом эмиграцию в США и, наконец, оказывается в Лондоне, где и проведет всю вторую половину своей жизни.

Даже тогдашние недруги и оппоненты Маркса описывают его как гениального неврастеника с явными чертами харизматичного пророка.

В Лондоне он пережил нелегкие времена. Порой ему приходилось закладывать свой сюртук, и в такие дни Маркс не мог ходить в библиотеку Британского музея, где он обычно изучал «синие книги» (сборники документов по текущему положению дел британского пролетариата) и работал над первыми набросками к «Капиталу». Иногда у него не было денег, чтобы отправить очередную рукопись издателю. Его семья неделями питалась в основном картофелем и хлебом, взятыми на рынке в кредит, а скромное имущество, включая детские игрушки, описывали за долги. Его жена – урожденная баронесса Женни фон Вестфален – не раз отдавала в залог под ссуду фамильное столовое серебро. Четверо из его семерых детей умерли в раннем возрасте.

Дочерям он объяснял азы политэкономии, сочиняя бесконечный сказочный сериал про Ганса Рёкле – торговца магическими игрушками, которые покупает у мастера сам дьявол.

«Не думаю, что кто-либо когда-либо писал о деньгах, настолько нуждаюсь в них», – шутил Маркс. Когда его товарищ Вильгельм Вольф завещал ему после смерти основную часть наследства, Маркс был до того растроган, что посвятил Вольфу первый том «Капитала», вышедший в 1867 году.

Деньгами Марксу в Лондоне старался помогать Фридрих Энгельс, устроившийся менеджером в контору прядильной фабрики своего отца. Сам Энгельс,

амбициозный теоретик, называл такую свою занятость «египетским рабством». Он информировал Маркса о внутренней машинерии современного промышленного производства, когда тот всерьез решил заняться экономической теорией. Очередные материальные проблемы начались, когда текстильная фабрика переживала сложности из-за Гражданской войны в США и блокады хлопковых поставок оттуда. Именно этот хлопковый кризис Маркс подробнейшим образом проанализирует в третьем томе «Капитала» как иллюстрацию отношений между ценой и нормой прибыли, а также колебаний стоимости капитала, его связывания и высвобождения.

В 1860-х годах Маркс — фактический лидер Интернационала (Международного товарищества рабочих) — боевого штаба грядущей международной революции пролетариата, как видит он сам эту организацию. Но главным интеллектуальным итогом его жизни станет «Капитал», над которым он с перерывами работает 25 лет, по многу раз переделывая текст и утверждая, что автор не может опубликовать одну и ту же мысль в той же форме по прошествии полугода.

Как признавался сам Маркс, во время работы над «Капиталом» его прежде всего вдохновляли движение за освобождение рабов в Америке, создание Международного товарищества рабочих и Польское восстание.

Энгельс предлагал Марксу сделать его главную книгу более доступной, разбив весь текст на короткие разделы. Он же, став первым редактором «Капитала», уговаривал друга исправить излишне воинственные места на более нейтральные.

В попытке заранее смоделировать реакцию всех возможных лагерей Энгельс напишет под псевдонимами, меняя стиль и примеряя разные мировоззрения, не менее семи рецензий на «Капитал», в том числе весьма критические. Однако в год выхода мало кто дочитал до конца эту книгу и никто не хотел публично рассуждать о ней.

Супруга Маркса мягко упрекала рабочих в отсутствии интереса к первой публикации. Тем, кому слишком сложно, Маркс предлагал начинать с десятой главы или вообще читать все главы в обратном порядке.

Цена первого издания «Капитала» примерно равнялась средней оплате 10 дней труда рабочего на тогдашней немецкой фабрике.

В 1870 году Маркс занялся изучением русского языка, чтобы лучше понять аграрное законодательство в России. По свидетельству своего зятя Поля Лафарга, вскоре Маркс мог читать Пушкина, Гоголя и смеяться над памфлетами Салтыкова-Щедрина.

В переписке со своим русским переводчиком Николаем Даниельсоном Маркс предсказывал в ближайшем будущем подъем и мировое лидерство США. Он ожидал, что пролетарская революция начнется в наиболее промышленно развитых странах, т.е. в Америке или в Англии. По Марксу, такая революция может быть только международной, и достигнуть социализма в обособленной стране в принципе невозможно.

Во Франции в 1870-х годах первый том «Капитала» издали в виде серии отдельных брошюр. Русскому переводчику Маркс рекомендовал взять за образец это издание. Французский перевод был сделан Ж. Руа, а позднее отредактирован самим Марксом, посчитавшим его слишком буквальным и плоским. Канон для перевода на большинство языков в итоге станет четвертое немецкое издание (1890), подготовленное Энгельсом.

Маркс послал первый том Чарлзу Дарвину, но тот дочитал его только до 104-й страницы и так и не добрался до ссылок на свои книги. Много позже Дарвин ответил Марксу в том смысле, что его смущает слишком откровенный атеизм «Капитала».

В старости Маркс приобрел не только всемирную славу, но и некоторую репутацию. Им интересовалась королевская семья. Близкие друзья и ученики Маркса в последние годы его жизни создали социалистические организации в большинстве стран Западной Европы.

После «Капитала» автор планировал всерьез взяться за литературную критику (написать книгу о Бальзаке) и математическую логику, но умер от болезни легких в 1883 году, завещав Энгельсу привести в порядок и опубликовать оставшиеся тома – двадцать три тетради черновиков.

Дочь Маркса Элеонора после смерти отца занималась распространением его идей. Ей активно помогал в этом известный теоретик искусства и художник-прерафаэлит Уильям Моррис, хотя он и признавался, что не понимает всех экономических тонкостей учения.

В 1893 году в Британии возникнет Независимая рабочая партия с отчетливо марксистской программой. Эта организация станет одним из источников лейбористской традиции в британской политике.

«Капитал» перевернет мир в голове начинающего писателя Бернарда Шоу. А вот другой британский писатель-социалист Герберт Уэллс, склонявшийся к «розовому» реформизму, сочтет марксистский анализ вульгарным, а обещание всемирной пролетарской революции – варварским соблазном.

3

Маркс поставил своей целью рационализацию самого понятия справедливости, толкуемого как истина в действии. Он хотел сделать неравенство предметом точного доказательного знания. Знания, на пути которого стоит товарный фетишизм, ведь фетиш и есть в первую очередь отказ от полного знания, поощряемый системой. По Марксу, вся история познания может быть описана как постепенное разоблачение фетишизма вещей. Фетишизм – это гносеологический корень всех идеалистических иллюзий.

На определенном уровне развития производительных сил и отношений неизбежно возникает категориальный аппарат освобождения трудящихся, потому что вся прежняя политическая конструкция больше не соответствует новым производительным силам.

Капитализмом не заканчивается наша история, и настало время определить, что такое справедливость на языке формул; освободить труд от его стоимостной формы в республике свободных работников; привести форму присвоения в соответствие со способом производства.

В «Капитале» окончательное завершение получила эксцентричная теория Маркса, которая изменит цивилизацию за полтора века сильнее, чем христианство изменило мир за две тысячи лет.

Изначально Маркс планировал шесть томов, но в итоге остановился на четырехтомной структуре «Капитала». Второй (1885) и третий (1894) тома были составлены и опубликованы Энгельсом по оставшимся после смерти автора черновикам. Эту работу продолжил теоретик немецкой социал-демократии Карл Каутский, который опубликовал четвертый том в 1905-м.

В первом томе дан генетический анализ системы капитализма. Вторым главным образом посвящен схемам воспроизводства капитализма как системы баланса и роста. Отношения между средствами производства и предметами потребления объясняются здесь прежде всего в качестве философской проблемы.

В третьем томе Маркс проследил тенденции к изменению динамики нормы прибыли, предложил свою теорию финансовых кризисов, дал прогноз развития банковской системы и рассмотрел разницу между специфически классовыми и нейтральными функциями государства. Впрочем, этот том как раз и обрывается на главе, в которой автор должен был дать окончательное определение классов.

Текст четвертого тома, в котором Маркс критикует основные идеи известных ему экономических теорий, попутно описывая исторические условия и классовую ангажированность самих этих теорий, не всегда включают в канон, считая, что в этом томе наиболее велико редакторское искажение первоначального замысла.

Советский исследователь Виктор Вазюлин, рассматривавший «Капитал» как пример развития и преодоления гегелевской логики, обнаружил, что вся книга целиком построена как малый виток спирали (представление товара, стоимости и денег) внутри большого витка (представление капитала как такового в его самостоятельном бытии).

4

Кроме прочего, Маркс видел текст своей книги художественным, хотя и признавал собственный стиль «тяжелым», «деревянным» и «подпорченным проблемами с печенью».

По Марксу, не отчужденный труд будущего, счастливая работа свободных людей доступна нам в классовом обществе только в художественном творчестве. Именно поэтому настоящее искусство сохраняет столь высокую степень независимости от породивших его классовых обстоятельств и продолжает волновать нас, даже когда от этих обстоятельств мало что осталось.

Но с рыночной точки зрения, если вы написали книгу, сочинили песню или сняли фильм, вы пока еще ничего не создали. Создали же вы что-то, только когда подписали контракт и продали то, что у вас получилось. Любое произведение в капиталистической вселенной, во-первых, является товаром и, лишь во-вторых, несет в себе еще какое-то сообщение. На этом основан сегодняшний феномен копирайта и интеллектуальной собственности.

Литературные вдохновители Маркса достаточно очевидны. Когда он сожалеет о нестерпимой судьбе рабочих, мы отчетливо слышим голос Чарльза Диккенса (есть и прямые отсылки к «Оливеру Твисту»). Эти страницы пропитаны сентиментальной социальностью. Ирония Маркса отсылает нас прямо к Лоренсу Стерну, его политическая сатира явно напоминает о Джонатане Свифте, а драматический оптимизм его логики заставляет ощутить шекспировский пафос.

Стилистически «Капитал» очень неоднороден и прерывист. Маркс легко переходит от приемов фарса к мрачному юмору готической новеллы.

Есть в книге и античный слой. Цитируются и упоминаются Гомер, Софокл, Платон, Фукидид, Ксенофонт, Вергилий, Ювенал и Гораций.

Церковь была для Маркса важнейшим идеологическим аппаратом правящего класса, а религия – необходимым способом амортизации социальных противоречий, поэтому в «Капитале» так много антиклерикального юмора. Возникновение капитала на рынке сравнивается с единством и неслиянностью Троицы в христианском догмате, а первоначальная аккумуляция капитала – с грехопадением Адама и Евы. Стоимостное бытие холста проявляется в его подобию сюртуку, как овечья натура христианина – в уподоблении себя агнцу Божию. Десятина, которую крестьянин должен уплатить попу, есть нечто более отчетливое, чем благословение попа. Отношение буржуазных экономистов к феодальному прошлому, по Марксу, аналогично отношению христианских теологов к языческим верованиям.

Немало в «Капитале» и обычного мистицизма на уровне метафор: бес-телесные призраки; вервольфы и вампиры капитала, обреченные пить живую кровь рабочего труда; мертвые, вцепившиеся в живых; фурии частного интереса; черная магия рынка, окружающая продукты труда, и прочая готическая образность.

В этом гностическом описании капитал объявлен злым и слепым демиургом, творцом и хозяином товарного мира, а рабочая сила – поработенной энергией, плененным светом, который однажды выйдет из-под контроля и откроет двери в новый мир под новыми небесами.

Тропы нужны для описания иррациональной системы отношений. Это литературные приемы, без которых невозможно схватить важнейшие парадоксы капиталистической цивилизации, ее обреченную вывернутость, если, конечно, смотреть из условного бесклассового будущего.

Но и сами деньги становятся неточной метафорой затраченных часов проданного труда. Без этой метафоры можно будет обойтись в исцеленном от вывиха бесклассовом обществе, где больше не останется причин для ложного сознания и товарного фетишизма ушедших веков.

После выхода «Капитала» марксистский стиль мышления стал основой для дендизма бедных – тех, кто не взят в долю.

5

Большевистский экономист Владимир Базаров попытался добавить к «Капиталу» собственную гипотезу: торговый капитал есть «нематериальное

производство», которое тоже может создавать прибавочную стоимость. Его поддержал в этом ученик Василия Ключевского и марксистский историк Михаил Покровский.

Советский экономист и один из стратегов нэпа Николай Кондратьев пробовал совместить свою ставшую впоследствии всемирно известной теорию длинных волн с более короткими циклами Маркса, составлявшими примерно 6–8 лет.

В советском интеллектуальном ландшафте 1960-х ярким исключением из многих правил стал Эвальд Ильенков, прочитавший «Капитал» прежде всего как философский текст. Стоимость была осмыслена философом как сущность товара и как реальная общественная форма продукта, который производится в качестве товара. Стоимость превращается из предиката в субъект, и на этом основана «действительная мистика товарной формы». В самой стоимости, понятой по-марксистски, заключены те противоречия, которые проявляют себя в кризисах перепроизводства, вопиющем неравенстве, классовом контрасте и революционных потрясениях. «Капитал» для Ильенкова – важнейший шанс понимания действительности в ее саморазвитии и ценнейший пример движения от абстрактного к конкретному.

Идеальное, по Ильенкову, – это объективная возможность, скрытая внутри вещей, которая может реализоваться только с помощью разумной человеческой деятельности. Самым наглядным примером идеального является стоимость товара, всегда отличная и от продукта, и от денег, уплаченных за него. Идеальное – это область понятий, а человек – это способ осуществления понятий. Марксу удалось понять капитал как форму функционирования средств производства, стоимостную форму организации и развития производительных сил; понять капитализм как господство абстрактного труда над конкретным.

6

Рудольф Гильфердинг, изучая новые приемы стабилизации системы, которые откладывают ее финал и «снятие», написал собственное продолжение «Капитала» («Финансовый капитал»), ставшее важнейшим текстом венской школы марксизма.

Комментируя второй том «Капитала» в своей книге «Накопление капитала», Роза Люксембург отметила, что Маркс создал идеальную модель, в которой нет других ролей, кроме рабочих и капиталистов, и капитал равно господствует во всем мире, тогда как в реальности капитализм остро нуждается в использовании «некапиталистических слоев» и даже «некапиталистических стран». Она

обращает особое внимание на «кризисы перенакопления», а не только на «кризисы перепроизводства». Перенакопление делает внешнюю экспансию системы неизбежной, а внутри системы провоцирует изобретение все новых и новых потребностей.

Начиная с середины 1950-х и в последующие двадцать лет в среде левых интеллектуалов Франции происходит напряженная полемика о гуманистической составляющей марксизма и наследии «Капитала». Возникает марксистская антропология, построенная вокруг эксплуатации и освобождения человеческой креативности. Критическая оптика новых левых прежде всего направлена на культурную индустрию и воспроизводство идеологической гегемонии. Они пытаются ослабить фетишизацию фабричного производства, заданную в «Капитале», все чаще обращаясь к раннему Марксу («Экономическо-философские рукописи» 1844 года), которого интересовал гуманистический и экзистенциальный аспекты отчуждения, эксплуатации и ложного сознания.

Теперь для «гуманистических марксистов» наиболее важно, что в режиме отчужденного труда человек учится подражать безотказным устройствам и сам становится таким устройством.

У Ги Дебора в «Обществе спектакля» мы видим цивилизацию позднего капитализма, в которой отчуждение людей друг от друга и от своей деятельности приобретает характер зрелища, набора управляющих образов, за которыми не скрывается никакой реальности, кроме власти больших денег. Власть капитала на этом историческом этапе превращает человека в первую очередь в управляемого зрителя «своей» и чужой жизни, то есть в зависимого потребителя зрелищ. Вторая глава «Общества спектакля» построена как комментарий к базовым понятиям из «Капитала»: товар, труд, меновая и потребительная стоимость, товарный фетишизм и т.п.

В середине 1960-х годов главным оппонентом общего движения французских левых от экономики к антропологии стал философ-структуралист Луи Альтюссер и его ближайшие единомышленники — Этьен Балибар и Пьер Машре. Они предпочли объявить предтечей Маркса Спинозу, а не Гегеля. По версии Альтюссера, Маркс перешел от левой идеологии своих ранних работ к новой науке в «Капитале», а французская интеллигенция проделывает обратный путь. История социальных формаций благодаря Марксу стала таким же основанием науки, какими были математика и физика с античных времен. Исторический материализм сегодня — это структурализм. Человек должен быть понят философами прежде всего как агент бессубъектных структур.

7

Трудовая теория стоимости Маркса не раз критиковалась со времен Ойгена фон Бём-Баверка, австрийского министра финансов, считавшего условный общественный труд, необходимый для производства товара, непродуктивной абстракцией. Бём-Баверк называл другие составляющие стоимости: издержки, ожидания, креативность решений экономических агентов и т.п.

При чтении «Капитала» многим критикам бросалась в глаза смысловая двуслойность текста. В этой книге как будто два этажа с разной степенью убедительности – аналитический и публицистический. Там, где Маркс перестает быть аналитиком и становится публицистом, ожидаемо больше метафор и допущений, чем доказательств, выдерживающих научную проверку.

Либеральные и реформистские оппоненты Маркса всегда отмечали, что из гениального, глубокого, убедительного и полезного анализа системы во все не следует автоматически ни перехода к коммунизму, ни экспроприации экспроприаторов. Тут не прочитывается однозначного детерминизма и явно совершается эмоциональный скачок, в результате которого Маркс перестает быть ученым и становится предсказателем.

При всем своем циклическом абсурде описанная система может воспроизводиться неопределенно долго. Маркс предположил, что концентрация капитала и падение нормы прибыли приведут к глобальному нерешаемому противоречию между характером производства и его товарной формой и система рухнет, но это только одна из версий возможного развития событий.

Система способна отодвигать финальный кризис неопределенно долго, корректируя себя с помощью умеренных кейнсианских реформ или же через возобновляющее воздействие больших войн, уничтожающих огромное количество средств производства и ресурсов, возвращающих нас в варварство и заново запускающих уже пройденный цикл.

8

Специалист в области экономической географии Дэвид Харви, автор интеллектуального бестселлера «Пределы капитала» (1982), в своем курсе из тринадцати лекций излагает собственное понимание главной книги Маркса. Согласно трактовке Харви, если норма дохода с используемого капитала выскока, то это связано с тем, что часть капитала изъята из обращения и факти-